

Тункина И.В.

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В 1828-1829 ГГ.

Tunkina I.V. To the history of studying of antique monuments of Western Black Sea region in 1828-29 years.

The article is dedicated to the activity of Teplyakov V.G. By the order of the Russian government he was in search of classic antiquities in the area of actions of Russian army on the Balkans in the time of Russian-Turkish war of 1828-29. Thanks to his efforts and to the efforts of other researchers a certain number of ancient monuments was taken out to Russia and was introduced into the scientific usage.

Во время русско-турецкой войны 1828-1829 гг. на Дунай была отправлена 95-тысячная армия фельдмаршала П. Х. Витгенштейна с задачей взять Молдову, Валахию, Добруджу, овладеть Шумлой и Варной. В течение 1828 г. русские войска заняли Дунайские княжества и блокировали многие крепости за Дунаем, овладели Варной, а в 1829 г. Силистрией и Адрианополем. В начале второго года войны командующий П. Х. Витгенштейн был смещен графом И. И. Дибичем.

Военные действия были использованы русским правительством для поиска античных древностей. По согласованию с директором Одесского городского музея древностей И. П. Бларамбергом генерал-губернатор Новороссийского края и Бессарабской области граф М. С. Воронцов поручил отставному поручику Павлоградского гусарского полка В. Г. Теплякову отправиться в Варну и другие завоеванные места для «разыскания к открытию разных памятников древности».

Виктор Григорьевич Тепляков (1805-1842),¹

известный в свое время поэт пушкинского круга, своим знакомством с И. П. Бларамбергом был обязан командировкой в Болгарию и Румелию. В марте 1829 г. Тепляков начал энергично готовиться к выполнению поручения, в течение пяти дней проводя долгие беседы с директором Одесского музея, которые, однако, «возбуждали его внутреннюю усмешку», читал французский перевод Страбона (Бруханский 1963: 314). Однако позднее он сам с иронией признавался, что «импровизированный антиквариат» покинул Одессу, «будучи столь безусловно чужд точных и основательных сведений о странах, в коих почти каждый шаг освещен каким-нибудь славным историческим событием» (Тепляков 1833: 3).

Бларамберг снабдил его инструкцией, в которой советовал по прибытии в Варну запросить у военного губернатора Румелии генерал-адъютанта Е. А. Головина сведения о возможности приобретения древних монет у частных лиц и попросить «смышленного и знающего страну» проводника. «Так как изыскание барельефов и

¹ В. Г. Тепляков — уроженец Твери, первоначальное образование получил дома, затем в благородном пансионе при Московском университете. В 1820 г. поступил юнкером в Павлоградский гусарский полк. Друг А. С. Пушкина П. П. Каверин ввел его в масонскую ложу. В 1824 г. (по другим данным, в марте 1825 г.) оставил службу и переехал в Петербург, где познакомился с членами Северного общества декабристов. За уклонение от присяги Николаю I он был обвинен в политической неблагонадежности, после подавления восстания арестован и заключен в Петропавловскую крепость, где заболел и был отправлен в военный госпиталь. По распоряжению императора его перевели в Александро-Невскую лавру на церковное покаяние. В конце 1826 г. обратился к Николаю I с прошением о переводе из лавры и о разрешении переселиться на

юг в связи с плохим состоянием здоровья. Местом жительства под надзором полиции ему был определен Херсон, куда его перевезли под конвоем жандармов. Здесь Теплякова дважды ограбили, ранили, после чего он обратился с покаянным письмом к императору. Николай I простил его, приказал возратить Теплякову права, принять на государственную службу и прислал 2 тыс. рублей. Виктор Григорьевич был определен в Таганрогскую таможню, но прослужил там недолго: с 1827 г. (по другим данным, с 1829 г.) по 1835 г. состоял в штате канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова в Одессе как чиновник по особым поручениям. В 1828 г. вместе с семьей своего московского знакомого Г. А. Римского-Корсакова путешествовал по Кавказу. В 1829 г. отправлен на Балканы для архео-

других мраморных античных фрагментов, а главное остатков греческих и... латинских надписей представляет не меньший интерес, чем предметы, относящиеся к нумизматике, — писал И. П. Бларамберг в инструкции, — г. Тепляков, познакомившись с кем-нибудь из офицеров флота, приобрел бы более возможности открыть остатки древностей, найденные во время последней кампании, так же как и их употребление, будь то в стенах крепостей, или по другую сторону. Необходимо сделать последовательные розыски в домах, церквях и в хижинах жителей, с целью найти какие-либо медали для покупки, или какие-либо мраморные фрагменты, вделанные в стены упомянутых построек и жилищ. То, что будет возможно приобрести, можно будет переправить морем, а остальное скопировать так точно, как возможно, в соответствии с наставлениями, которые я имел честь устно сообщить г-ну Теплякову, касающиеся точных измерений промежутков между стертыми буквами, как это встречается в античных надписях. Указание места, где находятся эти фрагменты, является необходимым пунктом в сообщениях г-на Теплякова, которые будут представлены в конце его поездки».

И. П. Бларамберг просил В. Г. Теплякова не покупать монеты с латинскими надписями (позднеримские серебряные денариусы, медь римских императоров) и уделить особое внимание поиску монет автономной чеканки и императорских — за медные платить в пределах от 2 до 5 руб., за серебряные от 5 до 10 руб., за «медальон Одиссос» от 50 до 75 руб. (РО ИРЛИ 9201: 3-3 об.; Шидловский 1896: 441-443).

В. Г. Теплякову выделили 1 тыс. руб., и 20 марта он отправился в путь с заданием посетить Варну, Анхиал, Созополь и Месембрию. Проплывая на корабле близ мыса Калиакрия, путешественник вспоминает рассказ главного командира Черноморского флота и портов адмирала А. С. Грейга об остатках древности, сохранившихся на вершине мыса. Две найденные там греческие надписи на мраморе по приказу Грейга были доставлены в Кабинет редкостей Черноморского депо карт в Николаеве и позднее попали в собрание Одесского общества истории и древностей. 27 марта 1829 г. Тепляков прибыл в Варну (Тепляков 1833: 23). Для достижения успеха своей миссии он стал искать

логических исследований. Живя в Одессе, являлся одним из деятельных сотрудников «Одесского вестника», печатался в «Одесском альманахе». Со времени путешествия по Болгарии стал заниматься изучением Востока, выучил турецкий язык. В 1834 г. командирован в Константинополь и Смирну, в октябре 1834 — апреле 1835 г. предпринял научное путешествие в Константинополь, Грецию и Малую Азию. В 1835 г. уехал из Одессы в Петербург хлопотать о переводе на службу при русском посольстве в Константинополе, сблизился с ведущими русскими литераторами. Как чиновник МИД состоял при русской миссии

содействия высших военных чинов русской армии. Путешественник начал покупку античных монет у купцов, цены на которые порой доходили до 800-1000 левов за экземпляр. Наиболее часто встречались серебряные монеты чекана Истрии. Стены крепости в Варне по приказу военных властей были укреплены «обломками мраморных карнизов, великолепных капителей и резных других украшений изящного греческого зодчества». Законы войны и законы науки оказались противоположны. «Война не наперстница археологии», — цитирует Тепляков высказывание генерала Е. А. Головина (Тепляков 1833: 28).

Местные жители суеверно верили в магическую силу «писаных камней» (эпиграфических памятников), хранили их как талисманы от нечистых и с неохотой расставались с ними (Тепляков 1833: 60-61). Несмотря на противодействие, Тепляков все же сумел собрать и отправить в Одессу первую партию древностей — «9 или 10 кусков мрамора с разными изображениями», прибывшую в пункт назначения 12 апреля (ИР ЦНБ V, 1224-1516. Л. 287, 288-289 об., 302, 313; ОВ 1829: 123). И. П. Бларамберг немедленно поставил об этом в известность М. С. Воронцова (РСА СПбФ ИРИ. Ф. 36. Оп. 2. Д. 253. Л. 13) и приступил к изучению лапидарных памятников (ИР ЦНБ. V, 1224-1516. Л. 315). М. С. Воронцов был доволен результатами поисков В. Г. Теплякова и, вдохновленный быстрым успехом, возложил аналогичное задание на чиновников Гнедича и Соколовского, находившихся в Кюстендже (ныне Констанца, Румыния) (ИР ЦНБ. V, 1224-1516. Л. 316-316 об.).

Первые письма В. Г. Теплякова к брату красноречиво свидетельствуют, что воображение поэта целиком было занято картинами классической древности (Тепляков 1830). В инструкции И. П. Бларамберга ему поручалось обратить особое внимание на местности Варны (древний Одессос), Мангалии (Каллатии) и Кюстендже (Томы), где антикварию того времени локализовали легендарную гробницу Овидия. В одном из писем к директору Одесского музея Виктор Григорьевич выразил сомнение, сумеет ли он добраться до Кюстендже. Бларамберг же настойчиво советовал не пренебрегать возможностью открыть гробницу автора «Науки люб-

в Константинополе, в 1837 г. в качестве дипломатического курьера ездил в Афины, в начале 1838 г. отправился в путешествие по Египту, Сирии и Палестине. Вернувшись, просил перевода в одно из западноевропейских посольств, но получил отказ и вышел в отставку. В мае 1840 г. за собственный счет посетил Западную Европу (Франция, Швейцария, Италия). Из-за многочисленных путешествий получил прозвище «Мельмот-Скиталец». В 1842 г. скончался «от удара» в Париже. О нем см.: Бычков 1877; Шидловский 1896: 178; Л[ернер] 1912; Вацура 1983; Черейский 1989; Булатович 1997:17-23.

ви». «Если эти соображения не проникнут до глубины вашего сердца, — писал он Теплякову, — мне остается только сожалеть, что вы были так близко к цели, не достигнув ее» (Шидловский 1896. № 3: 443-444).

В июне 1829 г. В. Г. Тепляков переправил в Одессу еще 10 кусков мрамора с греческими надписями, найденными в Варне и Созополе. «Кроме того, успел я открыть в сем последнем городе древнюю могилу, как по двум находившимся в ней урнам заключать должно. Разные же другие следы и остатки древности, замеченные мною в Созополе, требуют особого описания, которое вместе с отчетом о путешествии своем в Гебеджи, Девно и Проводы буду иметь честь представить в свое время лично Вашему Сиятельству», — докладывал он М. С. Воронцову (ИР ЦНБ. V, 1224-1516. Л.334).

Русские офицеры, оказавшиеся на Балканах, также обращали внимание на древности, приобретали их для собственных коллекций. Тепляков пишет, что командир 38 егерского полка при строительстве укреплений в Девно обнаружил огромное число монет, большая часть которых была отправлена бригадному командиру, остатки розданы офицерам и отправлены к жене полковника в его имение (Тепляков 1833: 128). Генерал Понсе скупал монеты и платил дорожке Теплякова, поручик 19 егерского полка Должиков приобрел 171 античную монету и представил свое собрание Воронцову, за что был поощрен 500 руб. ассигнациями. Главнокомандующий Второй армией И. И. Дибич-Забалканский даже предложил Новороссийскому генерал-губернатору откомандировать еще одного человека для поиска древностей. В августе на главную квартиру русских войск был отправлен сын И. П. Бларамберга, Михаил, получивший 1 тыс. руб. на покупку памятников и привезший из Адрианополя 26 монет, которые также поступили в Одесский городской музей древностей (ИР ЦНБ. V, 1224-1516. Л.347, 360, 415).

Вернувшись из поездки, 2 сентября 1829 г. В. Г. Тепляков представил М. С. Воронцову опись древностей, «с коих сняты копии, по невозможности обогатиться подлинниками» — 13 памятников, найденных им в Анхиало и Месембрии. Среди них великолепный мраморный саркофаг из Анхиало, четыре мраморных фрагмента с надписями и барельефами и т. п. (ИР ЦНБ. V, 1224-1516. Л. 367-368 об.; Album [1834] Livr. 1. Pl. 47). Всего за время путешествия В. Г. Тепляков собрал 36 мраморов с надписями и барельефами, 89 монет (из них более 50 древнегреческих), две вазы, найденные в Созополе, небольшую бронзовую статую «амура» и мраморный женский бюст, купленные в Анхиало. Им были срисованы виды некоторых мест и составлена карта Фаросского залива. Почти все приобретенные памятники поступили в Одесский городской музей древностей (Тепляков 1829; 1833: VIII; Шидловский 1896: 659-660). Вскоре

М. С. Воронцов добился у царя разрешения для Теплякова остаться в Одессе.

С. А. Булатович недавно попыталась выделить в фондах Одесского археологического музея Национальной Академии наук Украины греческие монеты, приобретенные В. Г. Тепляковым. По ее мнению, это небольшая группа крупных серебряных тетрадрахм, выпущенных западнопонтийскими городами в подражание монетам Александра Македонского и фракийского царя Лисимаха (Булатович 1997: 21). Надписи, привезенные В. Г. Тепляковым в Одессу, впоследствии частично оказались депаспортизованы, но их происхождение легко восстанавливается по сохранившимся в архивах рисункам с аннотациями Бларамберга (РСА СПбФ ИРИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 779. Л. 8; Оп. 2. Д. 253. Л. 13-16-ИРЕ, I2,333-336-IGBulg, I2, 476-479 и др.). Многие надписи были изданы В. В. Латышевым шестьдесят лет спустя с ошибочными указаниями на места их находок (Latischew 1884-1885), в наши дни они переизданы в корпусе греческих надписей Болгарии Г. Михайлова также с неверными паспортными данными (Mihailov 1970). Эту тему мы затронем в самостоятельном исследовании.

На наш взгляд, не следует преувеличивать научное значение путешествия В. Г. Теплякова, т. к. специальными знаниями он не обладал и, судя по тексту книги, древнегреческого языка не знал, а латынью владел слабо (РО ИРЛИ. № 9276/1. Л. 10.). Основным итогом его путешествия скорее литературный, чем археологический — знаменитые «Фракийские элегии», получившие благожелательный отзыв А. С. Пушкина, и прозаические «Письма из Болгарии», которые он сам охарактеризовал как «очерки впечатлений, возбужденных в его сердце ярким разнообразием предметов», как «поэтические воспоминания перед горами вековых развалин» (Тепляков 1833: III). Касаясь вопроса о локализации древних Том, «импровизированный антикварий» ссылается на античных авторов — Страбона, Аполлодора, Помпония Мелу и Овидия, разбирает гипотезы современных ему иностранных ученых (Тепляков 1833: 12-18; 1836. Т. 2: 11—21, 85-87), однако все его размышления носят компилятивный, вторичный характер. В этом он признавался сам: «Я вменяю себе между прочим в обязанность объявить, что ученое руководство г. Бларамберга, почтенного моего вожака в деле археологии, есть главнейший источник предлагаемой компиляции» (Тепляков 1833: 45). Вывезенные из Болгарии древности он призывал изучить «почтенным адептам археологии», «что же касается до меня, то смиренный профан может только пожелать сим господам счастливых успехов в их ученых трудах...» (Тепляков 1833: 52). Главным информатором Теплякова в вопросах античной истории и археологической топографии Западного Причерноморья являлся И. П. Бларамберг. Бесстрастная

позиция ученого была чужда Теплякову-поэту, любознательному, пытливому, но слишком восторженному человеку. Этим, вероятно, и объясняются его археологические ошибки, подмеченные А. А. Формозовым (Формозов 1977: 158). Результат игры природы — Гебеджинские «развалины» — он принял за сооружение рук человеческого, безуспешно пытаясь откопать основание одной из «колонн». «Совершенное отсутствие капителей, правильных карнизов и разных других украшений зодчества уничтожает, по крайней мере для меня, всякую возможность рассуждать об архитектурном ордене, по коему бы можно было загадывать о начале сих исплинских развалин», — писал поэт (Тепляков 1833: 107).

Спустя почти 10 лет, в путевом дневнике по Сирии и Египту, В. Г. Тепляков с раздражением напишет о себе: «... Чума и варварство, лишения и развалины Малой Азии и Греции до того мне наскучили, что право нет [большой] охоты тащиться за тридевять земель на знакомство с новой чумой, с новым варварством, ... с новыми развалинами. И на какой ... вся эта возня и скитания? Я не химик, я не ботаник, я не археолог и, надеюсь, не сентиментальный шарлатан с пошлым энтузиазмом и пустоцветами, ради почтеннейшей публики, фразами» (РО ИРПИ. № 9274/2. Л. 4-4 об.).

К поиску древностей в завоеванных областях подключились и петербургские антиквари. 25 июля 1829 г. главнокомандующий Второй армией генерал-адъютант граф И. И. Дибич-Забалканский обратился к управляющему Главным штабом графу А. И. Чернышеву с просьбой прислать «сведующего по части древностей... человека, который мог бы исследовать, описать или даже вывести находящиеся ныне в нашем владении памятники». Император Николай I одобрил идею и командировал на место боевых действий библиотекаря Эрмитажной библиотеки Карла Седжера,² академика живописи А. О. Дезарно³ и унтер-офицера Нозерева, ассигновав на расходы 1500 червонцев серебром. В обязанности К. Седжера входили: 1) поиск и

подробное описание различных предметов искусств и древностей, снятие рисунков с тех из них, перевозка которых в Россию была бы затруднительна или невозможна; 2) собирание древнего оружия и медалей (монет) для arsenалов и личных коллекций императорской семьи, а также сбор рукописей, книг и других «любопытных» предметов; 3) составление рисунков достопримечательных мест и исторических памятников с подробным их описанием (РГВИА. Ф. 35. Оп. 3/246. Св. 332. Д. 2843. Л. 1-9).

При содействии М. С. Воронцова столичная экспедиция была отправлена морем из Одессы на место дислокации русских войск, где она подчинялась непосредственно главнокомандующему. Участник событий, известный военный историк А. И. Михайловский-Данилевский в сентябре 1829 г. записал в своем дневнике: «Появление Седжера в нашей главной квартире с подобным поручением было для меня радостно, ибо такового рода поручение есть конечно первое в российской армии. Где не бывали наши войска? Но для ученого света от непрерывных войн наших не произошло никакой выгоды. Теперь впервые мы являемся на поприще [науки и искусства]; не спорю, успех не будет блистательным, но мы скажем в извинении, что это нам первый опыт. И при сем обстоятельстве виден ход просвещения нашего века. Давно ли были войны Александровы? Но тогда не находилось с нами художников» (ОР РНБ. Ф. 488. Оп. 1. Д. 25. Л. 110 об.-111 об.).

Спустя семь дней после приезда Седжера и Дезарно война закончилась подписанием Адрианопольского мирного договора с Турцией. Успехи экспедиции были бы не велики, но помог случай. Через посредство бывшего секретаря М. С. Воронцова А. И. Левшина Новороссийский генерал-губернатор поручил одесскому купцу, греку Константину Коккиносу, отправлявшемуся в Месембрию по торговым делам, заняться поиском древностей. Свои донесения с описанием памятников и рисунками купец отправил А. И. Левшину и военному губернатору Румелии генерал-адъютанту Е. А. Головину. Представители военной администрации познакомили К. Коккиноса с К. Седжером. Помимо монет, из Месембрии были доставлены мраморные барельефы, постаменты статуй, 4 псефизмы и ряд других надписей. За содействие в приобретении древностей К. Коккинос был награжден бриллиантовым перстнем из Кабинета императора (РГВИА. Ф. 35. Оп. 2/243. Св. 98. Д. 1361. Л. 1-8).

В Эрмитаж поступили античные монеты, купленные К. Седжером в Бургасе и Адрианополе, а также перечисленные выше памятники из Месембрии (АГЭ. Ф. 1. Оп. 1-1829. Д. 14,15,17; Ф. 1. Оп. 1-1830. Д. 4). По приказу Николая I Академии художеств были «пожалованы» двадцать два мрамора, «взятых по праву войны» в «Демотике, Неолохосе, Айдосе, Месембрии и Ахи-

² Седжер Карл Иванович (Sagger Charles, 1777-1840), управляющий библиотекой Имп. Эрмитажа (1837-1840). Начал карьеру в России в качестве придворного учителя английского языка, затем служил библиотекарем при царскосельских библиотеках и библиотекарем Имп. Эрмитажа.

³ Дезарно Август Осипович (Desarnod August Joseph, 1788-1840), французский художник-баталист и гравер. Ученик Гро. Участвовал в походе армии Наполеона 1812 г. на Россию, взят в плен. Живя в России, снова обратился к живописи. С 1815 г. назначенный в академики, в 1827 г. удостоен звания академика Академии художеств в Петербурге. В 1829-1830 гг. находился при войсках И. И. Дибича-Забалканского в Европейской Турции. Пользовался расположением императоров Александра I и Николая I, великого князя Михаила Павловича. См. о нем: Греков Вл. Дезарно Август Осипович // РБС. 1905. Т.: Дабелов-Дядьковский. С. 166-167.

оле». В отчете Академии за 1831 г. как самые «примечательные» отмечены лежащий Силен (Album [1834]: Livr. 1. Pl. 5), какая-то «потерпевшая» (то есть поврежденная) «небольшая фигура» и две капители (Отчет 1831: 15-16). Император Николай I предложил издать исследования Седжера с рисунками Дезарно в Лондоне или Париже «со всею возможною типографическою роскошью». Атлас вышел в Париже, вероятно, в 1834 г. (Album [1834]). В Отделе гравюр Государственного Эрмитажа хранится альбом с рисунками А. Дезарно, выполненными в Варне, Браиле и Балчике в 1828 г.

Болгарская исследовательница Живка Въжарова опубликовала значительное число документов из российских и болгарских архивов о собирании древностей в Болгарии во время русско-турецкой войны 1828-1829 гг., в том числе переписку о командировании Седжера и Дезарно, списки древностей, привезенные из Болгарии, а также выдержки из сочинения В. Г. Теплякова «Письма из Болгарии», из составленного полковником И. П. Липранди «Краткого извле-

чения из составляющегося исторического и географического описания болгарского царства в Мизии» и др., к которым мы и отсылаем заинтересованного читателя за более подробной информацией (Въжарова 1960: 37-98).

Несмотря на кратковременность пребывания в Болгарии и Румынии, русские исследователи вывезли в Россию и спасли от уничтожения определенное число античных памятников Западного Причерноморья. Этот материал сразу же стал вводиться в научный оборот. Анализируя надписи, привезенные В. Г. Тепляковым из Болгарии и Румелии, И. П. Бларамберг открыл существование пятисоюзия городов Западного Причерноморья — античных Том (ныне Констанца), Каллатиса (ныне Мангалия), Одессоса (ныне Варна), Месембрии (ныне Несебыр), Аполлонии (ныне Созополь) ([Соколов]: 103). Многие из лапидарных памятников, благодаря И. П. Бларамбергу, в списках стали известны основателю греческой эпиграфики Августу Бёку и вскоре вошли в знаменитый «Corpus inscriptiones Graecarum».

СПИСОК АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- АГЭ. Ф. 1. Оп. 1-1829. Д. 14,15,17.
 АГЭ. Ф.1. Оп. 1-1830. Д. 4.
 ИР ЦНБ. V, 1224-1516.
 ОР РНБ. Ф. 488. Оп. 1. Д. 25.
 РГВИА. Ф. 35. Оп. 2/243. Св. 98. Д. 1361.
 РГВИА. Ф. 35. Оп. 3/246. Св. 332. Д. 2843.
 РО ИРЛИ. № 9201. Л116. 67.
 РО ИРЛИ. № 9274/2.
 РО ИРЛИ. №9276/1.
 РСА СПбФ ИРИ. Ф. 36. Оп. 2. Д. 253. Л. 13.
 Бруханский А. Н. 1963. «Письма из Болгарии» В. Г. Теплякова // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. С. 312-323. М.; Л.
 Булатович С. А. 1997. К истории формирования фондов Одесского археологического музея: В. Г. Тепляков // ЗИФОГУ. Вып. 5. С. 17-23. Одесса.
 Бычков Ф. А. 1877. Виктор Григорьевич Тепляков // ИВ. № 7. С. 5-23. СПб.
 Вацуро В. Э. 1983. К биографии В. Г. Теплякова // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 11. С. 192-212. Л.
 Въжарова Ж. Н. 1960. Руските учени и българските старини: Изследване, материали и документи. София.
 Л[ернер] Н. 1912. Тепляков Виктор Григорьевич // РБС. Т.: Суворова - Ткачев. С. 479-484. СПб.
 ОВ. 1829. 20 апреля. № 31-32:123. Одесса
 Отчет 1831. Отчет Императорской Академии художеств за 1831 год. СПб.
 [Соколов Г. И.] 1836. Бларамберг Иван Павлович // Энциклопедический лексикон [Плюшара]. Т. 6: Бин-Бра. С. 102-103. СПб.
 Тепляков В. Г. 1829. Отчет о разных памятниках древности, открытых и приобретенных в некоторых местах Болгарии и Румелии. Одесса.
 Тепляков В. Г. 1830. Письмо русского путешественника из Варны // Литературная газета. 26 января. Т. 1. № 6: 41-43. СПб.
 Тепляков В. Г. 1830. Письмо второе из Варны // Литературная газета. № 29: 227-232. СПб.
 Тепляков В. Г. 1833. Письма из Болгарии (писаны во время кампании 1829 года). М.
 Тепляков В. Г. 1836. Стихотворения. Т. 2. СПб.
 Формозов А. А. 1977. Две страницы из истории формирования представлений о первобытном обществе в России // Природа. № 5:157-160.
 Черейский Л. А. 1989. Тепляков В. Г. // Пушкин и его окружение: 431-432. Л.
 Шидловский А. Ф. 1896. Из бумаг В. Г. Теплякова // РС. Т. 85: 177-189,425-447, 659-677. Т. 86:191-212. СПб.
 Album [1834]. Album d'un voyage en Turquie fait par ordre de sa majesté l'Empereur en 1829 et 1830 par C. Sayger et A. Desarnod. Livr. 1-8. 50 Pl. Paris.
 Latschew B. 1884-1885. Die in Russland befindlichen griechischen Inschriften // MDAI AA. Bd. 9: 209-231; Bd. 10:113-130.